

Неожиданная встреча

МОСКОВСКИЙ ВЕРНИСАЖ

В суете жизни, сев на троллейбус, идущий не в ту сторону, и вынужденно сойдя на следующей остановке, я оказалась прямо перед входом в «Вернисаж». Он расположился на улице, рядом со зданием Центрального Выставочного зала на Крымском валу, правда, не под открытым небом, а под крышей-навесом. И мои ноги вместо подземного перехода понесли меня к картинам. По сторонам обычный «худширпотреб». Но чем дальше в глубь коридора из картин, изделий и слегка замерзших художников, тем чаще остановки. То светлые и совершенно объемные березки, то сказочно-фантастическое чудо из дерева. Одна незадача - в кармане почти пусто, а авторы очень внимательны, открыты к общению и к выгодным торгам. С удовольствием общаюсь с ними и в конце галереи, чувствуя, что уже явно в долгу, оказываюсь в угловом пространстве - две картины на одной стене и две на другой. Ни моих любимых березок, ни букетов, ни церквей, ни излучин рек. Пятна. Подхожу ближе. Что это - батик? Гуашь? Явно не масло. Чуть-чуть отошла и почти столкнулась с автором - Огнев. Как огонь быстр и привлекателен.

- Это обычная акварель.

- Да, акварель. Но обычная ли? Ассоциации: Чурленис, Рерих, Сарьян и медитативная музыка. Разумеется, ничего похожего не было на этих ватманских листах. Сработало подсознание и приковало к ним. Музыка красок. Настроение вечной динамики жизни в такой же вечной статике истин ее.

- Сколько же стоит вот эта, например, картина?

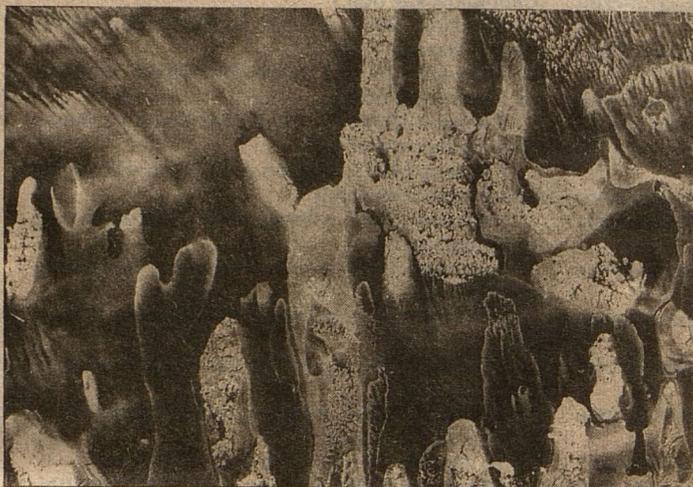
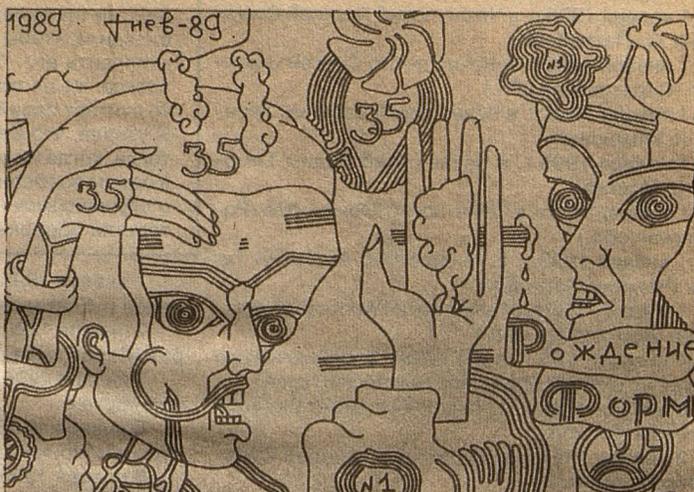
- Эта? Ну эту я бы обменял на «боинг». У вас есть «боинг»? - «прорентгенил» он содержимое моего кармана.

Я взглянула еще раз на яркие пятна, кружащие на стене.

- К сожалению, нет.

Мое сожаление, видимо, оказалось очень искренним и, конечно, приятным автору. Присели на скамеечку, разговорились. Оказывается, иногда и за туфли-сапоги можно приобрести произведения высокого искусства.

- Я не могу держать картины без движения, - говорит Михаил Юрьевич, - и, если вижу достойного покупателя, расстаюсь со своими детищами не жалея. Это счастье, что можно вот тут стоять и говорить, и продавать, и дарить. Это продолжает творчество, питает его. Да по сути творческий процесс идет сейчас, когда вы смотрите на мою душу на стене своими глазами, а ваша ре-

акция влияет на мое мироощущение. Тем и дорога художнику возможность выставляться. Конечно, и материальная поддержка нужна, но вот, например, Пикассо был очень богат уже в начале своего пути, а все равно творческая активность не угасала: и выставки, и продажи. Если их исключить из жизни художника, он погибнет, хоть бы и в золотом замке. Так что сейчас счастливые, благие времена, когда возможно открытое общение с людьми. Происходит творческий замес. Он не состоялся бы, если бы мы сидели дома и требовали больших денег. Дома нас не всегда понимают. А тут происходит и духовная, и материальная подпитка. Если не получится одно, так хоть другое, а то и вместе.

Разговор тек плавно и непринужденно. Вспоминали и первые выставки художников-авангардистов на Малой Грузинской, в Манеже; вспомнили и бульдозеры, сносившие картины в центре Москвы. Но все-таки в середине 70-х дали место за павильоном «Пчеловодство» ВДНХ для авангардистов Москвы. Было много имен, и стены в картинах, и стенды посередине. Люди шли, вплотную

прижавшись друг к другу. Милиция охраняла - было много очень дорогих картин. Многие из них разъехались по музеям и коллекциям мира. А помещение на М.Грузинской, 28, маленькое и в полуподвале, было выделено по спецразрешению. В этом помещении постоянно выставлялись работы «нестандартных» для соцкультуры художников. В том доме жил и Владимир Высоцкий - тоже «нестандарт» и в своем искусстве - авангардист.

Михаил Огнев начинал выставляться еще на Октябрьской площади, на улице, когда это было наказуемо почти как хулиганство, а может, и хуже. В то время даже народные промыслы были под серьезными ударами. И это обстоятельство объединяло, казалось бы, противоположные направления искусства. В Московском Доме художественной самостоятельности 70-х годов энтузиасты-подвижники организовывали выставки нестандартного, самостоятельного народного творчества, куда приглашались и художники-авангардисты, продолжатели манеры Василия Кандинского, обратившего внимание на то, что па-

литра интересней, чем сама картина.

Идея абстрактного изображения мысли и настроения родилась и развивалась в России. А вот благие места для идей, в том числе и Кандинского, - это Париж, это Германия... Но обоснование абстракционизма сделано Кандинским, не оставшим преподать его.

Москва - это тоже особое место в истории и развитии искусства. Заграничное искусство основано во многом на учении наших учителей. Это почему-то часто умалчивается, а роль их преуменьшается.

Сегодня, по словам Огнева, наступили «благие времена» и абстрактное искусство в защите не нуждается. Оно требует от смотрящего осознания, обдумывания жизни. Поэтому людей, желающих готового знания и не желающих думать, оно подчас и раздражает.

- Михаил, скажите, пожалуйста, а хотели бы вы оказаться вместе с этим вернисажем, скажем, в Нью-Йорке или Сан-Франциско?

- Нет. Это место посреди Москвы трудно переоценить. Тут «палитра» публики, широчайший диапазон! И это - счастье. Конечно, я бы не отказался выставить свои работы в любой точке планеты. Но так, чтобы променять на эту, - НЕТ.

Уходила я с «Вернисажа» уже в полной темноте, а навстречу мне шла молодая пара. Быть может, им в этот вечер некуда или не на что пойти, а быть может, это любители живописи.

В любом случае действительно «благие, счастливые времена». Хотя бы в этом. Хотя бы тут, на этом островке с названием «Вернисаж», или «Парк искусств».

Наталья БЕЛОВА.

На снимках: работы М.Огнева.